

случаях вызывают сомнения намеренность действий власти и сознательная рефлексия всем населением «правил игры». В большей степени противоречия между лозунгами и практикой выглядят подтверждением отсутствия чётко выверенного и однозначного плана действий, импровизированного характера многих политических мероприятий и даже концепций, следования населения не столько молчаливой сделке с властителями, сколько насущным потребностям выживания.

Не уделив должного внимания описанию способов и механизмов складывания самого пространства политической коммуникации, автор оставляет у читателя весьма противоречивое впечатление о её сущности в условиях диктатур и об их собственной природе. С одной стороны, диктатуры выглядят всепроникающими химерами, чётко и точно просчитывающими абсолютно все свои шаги, реакцию оппонентов и послушных подданных. Так, даже отсутствие у власти ГДР карательных мер по отношению к движению

нудистов трактуется как целенаправленная компенсация производственных дефицитов лёгкой промышленности страны. Достаточно часто химеры приобретают весьма конкретное личностное выражение – в персонах Сталина, Гитлера и других политиков. С другой стороны, для диктатуры – этого сконструированного (в том числе и автором книги) монстра – характерны признаки спонтанности и непоследовательности действий, импровизации, стихийности и беспомощности при формировании политических решений, а также разительное сходство с политической коммуникацией «недиктатур».

О.С. Нагорная

Примечания

¹ См., например: *Schmiechen-Ackermann D. Diktaturen im Vergleich*. Berlin, 2010; *Plaggenborg S. Ordnung und Gewalt. Kemalismus – Faschismus – Sozialismus*. München, 2012.

² См.: *Rombauer I.S. The Joy of Cooking*. Indianapolis, 1931.

Историография сегодня: миры историков, идей и читателей*

Многokrатно отмечалось, что усиление внимания к историографическим сюжетам связано со вступлением отечественной исторической науки в новый этап её развития, когда смена парадигм требует осмысления достигнутого и постановки ещё не решённых задач, а также заполнения имеющихся лакун в познании прошлого. Тем самым историографии отводилась роль если не вспомогательной, то, по крайней мере, подчинённой дисциплины. Изменение методологических подходов на рубеже столетий позволило существенно расширить данное представление.

Одним из свидетельств этого стали подготовленные учёными Омского государственного университета сборники «Мир историка». Первый из них увидел

свет в 2005 г., а в 2013 г. появился уже восьмой выпуск, ответственными редакторами которого выступили В.П. Корзун и С.П. Бычков. Составители и редакторы сборника пытались выявить черты, отличающие современные историографические исследования. В частности, они отмечают усиление внимания не только к миру идей, привычному для традиционной историографии, и функционированию историков в научном сообществе, но и к представлениям читателя о результатах деятельности профессиональных исследователей. Таким образом, данный выпуск, «не претендуя на всеохватывающую полноту, всё же демонстрирует основные цвета разнообразного спектра отечественной историографии» (с. 8).

* Мир историка. Историографический сборник. Вып. 8. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2013. 336 с.

Особое внимание составители сборника уделили проблеме передачи внутрикорпоративных традиций историков и роли научных школ в этом процессе. В частности, А.М. Сковорцов раскрывает взаимоотношения М.С. Куторги и его учеников Н.А. Астафьева и В.В. Бауэра, которые не стали продолжать изучение тематики учителя, что свидетельствовало бы о формировании школы. «Несмотря на это, — пишет Сковорцов, — мэтр сохранил с ними теплые отношения вплоть до конца жизни. Причины, по которым М.С. Куторга не оставил непосредственного продолжателя своей школы, нельзя сводить лишь к сложному характеру мэтра. Сказались и сугубо объективные обстоятельства: отсутствие вакансий для его учеников в преподавании античности; отсюда их вынужденный переход на другие специальности; смена интересов у учеников, их приоритетов» (с. 21).

И всё же для создания научной школы решающее значение имеет связь учителя и ученика. И.Г. Воробьева рассмотрела сотрудничество М.К. Любавского со своим учителем Н.А. Поповым, одновременно освещая контакты Попова с учителем и тестем С.М. Соловьёвым и указывая на сложившиеся традиции. Так, Попов не только давал своим ученикам необходимые консультации и снабжал их книгами из своей библиотеки, но и заботился об их службе, заработках и научной карьере. К.Б. Умбрашко проследил развитие историографической мысли в творчестве М.Т. Каченовского и его учеников.

О.И. Захаров посвятил свою статью интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество и, в частности, таким её составляющим, как «успешность научной, преподавательской деятельности и их оценка, причём именно в виде зарплаты, а не научном признании» (с. 44). При этом, хотя основой для выводов автора послужило прежде всего изучение деятельности М.И. Ростовцева, он считает возможными распространить их не только на конкретную ситуацию в США, но и на остальные страны пребывания российских эмигрантов.

Большой интерес представляют и материалы, освещающие пути историков советского периода. Так, в исследовании

С.Б. Криха анализируется критика структуралистских тенденций в советской историографии, прозвучавшая в 1969 г. в статье А.И. Данилова, обвинившего М.А. Барга, А.Я. Гуревича, Е.М. Штаермана и др. в протаскивании в марксистскую науку чуждых ей идей. Между тем сегодня эти подходы отнюдь не воспринимаются как отказ от марксистско-ленинского наследия и представляются скорее попыткой найти что-то новое в русле возвращения к идеям «классиков марксизма». А.И. Данилов, отстаивая «ортодоксальный» марксизм, обрекал его последователей на инертность. Вместе с тем С.Б. Крих, опираясь на воспоминания А.Я. Гуревича, признаёт догматизм обеих дискутировавших сторон. По его словам, «рассказывать историю исторической науки в СССР как поэму о борьбе “рыцарей” и “злодеев” является самым непродуктивным подходом — это значит увлечься очень неприятными и опасными играми смыслов, коль скоро речь идёт не о человеческой подлости и благородстве (они — отдельная проблема), а о противостоянии идей» (с. 73–74).

Но если С.Б. Крих попытался «отдалиться от личностной составляющей в анализе этого конфликта» (с. 54), то Б.Д. Шоу, занимающийся исследованием античности в Пристонском университете, считает, что «было бы трудно представить себе такую ситуацию, при которой не было бы “некоторого” личностного элемента в спорах историков» (с. 96). В своём интервью он подробно рассказывает о деятельности одного из наиболее влиятельных учёных, изучавших во второй половине XX в. проблемы античной истории — М. Финли, и о его отношении к концепции М.И. Ростовцева.

«Мир идей» представлен в сборнике интересными статьями о формировании украинской исторической и историографической культуры в контексте регионализации российской науки. А.В. Леонова изложила различные модели исследования историографического процесса, а также изучения региональной истории на профессиональном, аматорском и быденном уровне. О.И. Журба стремится «уяснить, поставить и обсудить проблемы генезиса региональных историографических

ареалов, их взаимодействия и формирования новых историографических иерархий в провинциальном имперском интеллектуальном пространстве» второй половины XVIII – первой половины XIX в. (с. 126). На Украине представления об исторической науке того времени давно уже «стали кроиться по лекалам рубежа XIX–XX вв., когда М. Грушевский начал создавать украинский метанарратив, включавший и историографическую составляющую» (с. 129). В результате «основательно включённое в концептуальные построения “украинского национального возрождения” историописание второй половины XVIII – первой половины XIX в. представлено по преимуществу телеологически, исходя не из того, чем оно было для современников, а из того, чем его хотели и хотят видеть как на рубеже XIX и XX, так и на переломе XX–XXI вв.» (с. 136). О.И. Журба, напротив, приходит к выводу о необходимости рассмотрения национальной историографии как процесса «асинхронного развития региональных историографических ареалов, вписанных каждый по-своему в структуры польского и/или общероссийского имперского исторического знания-познания» (с. 154).

В силу разобщённости исторических судеб украинские земли не составляли в XVIII–XIX вв. единого целого, Новороссия и Малороссия не имели в XVIII–XIX вв. постоянных региональных границ. Активные миграционные процессы перемещали миллионы людей, которые несли с собой на новые территории и свои культурные традиции. А потому едва ли оправданы попытки представить существование украинской историографии с древнейших времён. Как отмечает Журба, при асинхронности историографических процессов в различных районах Украины «наиболее органичным, традиционным, непрерывным было историописание Малороссии», хотя «процессы институализации местной историографии казались тут не завершёнными» (с. 158). С начала XIX в. исторические исследования велись на Слободской Украине, а с 1830-х гг. – и в Новороссии.

С.П. Бычков, характеризуя творчество историков, преподававших в духовных

академиях второй половины XIX – начала XX в., размышляет о взаимосвязи и взаимодействии университетской науки и церковных исследований, а также о соотношении общего и «отраслевого» исторического знания, формировавшегося тогда в духовной, военной, казачьей или иной культурно-социальной среде. При этом он выделяет ряд негативных факторов, сдерживавших рост самосознания научного сообщества. Среди них – запаздывающий и догоняющий по отношению к Западу характер развития отечественной науки, её политизированность, обусловленная сильным влиянием на учёных государственной политики, а также общественных деятелей, публицистов и литераторов, наконец, решающее значение тех или иных личностей для развития целых отраслей и направлений исследовательского поиска.

О «мире читателя» составители сборника предлагают судить по образам историков в художественных произведениях. В частности, А.А. Кузнецов обнаруживает в романе Н.И. Кочина «Нижегородский откос» черты вполне узнаваемых преподавателей и описание студенческой жизни в первые годы советской власти (сам писатель был тогда студентом). По мнению Кузнецова, это сближает данное произведение по своему характеру с мемуарами, хотя, разумеется, используя его как исторический источник, необходимо учитывать и художественный замысел автора. Л.А. Сидорова сопоставляет судьбы главной героини поэмы Н. Коржавина «Танька» и её прототипа – академика А.М. Панкратовой.

Завершает сборник публикация писем эмигранта А.Д. Семёнова-Тян-Шанского к историку, религиозному мыслителю и публицисту Г.П. Федотову. В них ощущается не только авторитет Федотова в эмигрантской среде, но и его чуткость в отношениях с другими людьми.

Конечно, авторы и составители не претендуют на всеохватывающее изложение антропологической парадигмы современной историографии и её проблематики, но им всё же в значительной мере удалось показать многоцветье и широту современной отечественной исторической науки.

А.В. Сидоров